

«Клуб — сумасшедший дом, и я его директор»

У ЛЭТИ — не женское лицо. Вуз серьезный. Тем приятнее видеть среди умных и строгих мужчин мудрых и элегантных женщин — вечно молодых. Светлана Васильевна Петухова — директор Клуба студентов и аспирантов ЛЭТИ. Когда ей исполнилось 65, она организовала в вузе дискотеку на сто человек. И услышала про себя: «Вы стройны, энергичны и векторны». В вузе она уже 41 год. Читает студентам лекции и помогает им интересно жить. Студенчество — особая пора в жизни человека. Незабываемая.

— Светлана Васильевна, женщине столько лет, на сколько она себя чувствует. Судя по вашему внешнему виду и энергии — а уж глаза-то как блестят — детство свое вам вспомнить не сложно. С него ведь человек начинается. И хотя считается, что переселется в нас первая свободная душа, родители дальше формируют эту душу по своему усмотрению. И нормальный человек обычно им за это благодарен. Вы благодарны своим родителям?

— Вы знаете, мне уже столько лет, что я даже не стесняюсь. Я родилась в 37-м году. Это было время, когда любой человек мог стать врагом народа. В молодости мой будущий отец добровольцем ушел в чапаевскую дивизию. Он жил в старообрядческой семье, в Уральске, и у него была безумная фанатичка сестра. От этого гнета в 18 лет он ушел на фронт. Прошел гражданскую войну и стал военным летчиком. В 37-м году кто-то пишет донос на папиного командира, того сажают, проводят партийное собрание, папу исключают из партии, снимают с работы за связь с врагом народа. Мотивировка — не донес на врага народа. Я в колыбели, а родители каждую ночь выключают свет и ждут — «черный ворон» у их дома остановится или поедет дальше. А потом Ежова сменяет Берия, объявляется реабилитация, и папу восстанавливают. В партии, на работе. Приходят друзья и рассказывают отцу, что человеку по фамилии Медянский — больше ничего про него не знаю — поломали ребра, в тисках разбили половой член, но он ничего не подписал. Откуда взялись у него силы? Его выпустили инвалидом, но отец не стал врагом народа. Этот рассказ наложил отпечаток на всю мою жизнь. Сейчас, когда я думаю, сказать кому-то правду или нет, память об этом человеке заставляет меня сказать эту правду. Отец закончил войну командиром дивизии. Почетным гражданином Чехословакии. Потом папа ушел в отставку, и они с мамой выбрали для проживания любимый город отставников — Ригу. Шел 49-й год.

— Время имеет не только внешние проявления, но и внутренние. Вы, несмотря ни на что, юны и беззаботны. Вы влюблены?

— Любовь? Мне было 14 лет. Мальчик был самый-самый — самый умный, самый начитанный, самый сильный. Он мог поколотить любого мальчишку за то, что тот обижал меня. Мы жили тогда в Омске, эвакуировались туда во время войны. Это была настоящее чувство, наша любовь длилась довольно долго, а потом перешла в дружбу.

— Чувство было платоническим, или целовались?

— Что вы! В те времена ведь как — «Умри, но не давай поцелуя без любви». Любовь была, но эмоциям, главному составляющему любви, воли не давали. Зажатые были, закомплексованные. Это мешало мне всю жизнь.

— А почему вы вообще решили поступать в ЛЭТИ?

— В третьем классе я была уверена, что буду инженером. Я очень любила физику, математику, получала от этих наук огромное удовольствие. Никогда не думала стать актрисой, учителем, врачом. В те времена, а это был 1954 год, поступать в ЛЭТИ было очень трудно. Во-первых, технические вузы вообще были очень престижны, кроме того,

«Весна в ЛЭТИ» подняла престиж института еще выше, и при поступлении на физический факультет можно было получить по результатам шести экзаменов одну четверку. Я эту четверку получила по письменному сочинению. Написала «человечес», а «кий» перенесла. Разорвала при переносе суффикс. Вообще в то время ЛЭТИ отбирал лучших. Я считаю, что люди того поколения были людьми возрождения.

— Ленинград что-то изменил в вас?

— Я приехала из Риги, и Ленинград меня потряс. До этого я была в Москве и считаю, что она справедливо является столицей, потому что больше отражает черты национального характера. Она противоречивая. А Петербург более

западный, да и оторочество у меня прошло в Риге, поэтому я была подготовлена к восприятию такого города. Я неистово бродила по ленинградским улицам. Открывала для себя все. А со второго курса стала водить в Эрмитаж свою группу. Мы занимались там четыре года. Потом у нас была компания — называлась «Клуб четырех коней». Три мальчика и я. Конец 50-х — начало 60-х. Как ни ругал Хрущев современное искусство, но оно изменило эстетику, окружающую среду. Наблюдать все эти перемены нам было безумно интересно. Диплом я защитила на «отлично». Но время подготовки диплома прошло у меня в фондах Эрмитажа. Там я впервые увидела Кандинского, Малевича. В Русский музей впервые привезли работы скульптора Эрзи.

— Студенчество во все времена — пора золотая. В каком формате, как теперь принято говорить, его прожили?

— В студенчестве жила в общежитии. Девчонки — соседки по комнате рано вышли замуж, пошли кастрюли, заботы. И когда я в очередной раз бежала на концерт, они мне говорили: «Счастливая, ты не замужем». А я отвечала: «Да, потому что замужество — это падение для женщины, и надо набрать высоту, с которой падать!». И потом для того, чтобы что-то отдавать мужу, детям, надо нечто иметь за душой. Я вышла замуж, по тем временам, поздно — в 24 года.

— И как состоялся выбор спутника жизни?

— Я приехала с гор — каталась в Домбае на лыжах, — естественно, загорела там на солнце. Мы сидели в «фойе» Публички с приятельницей и серьезно разговаривали. А мой будущий муж и его друг, сидя где-то рядом, нас слушали. И он сказал: «Надо же, о каких серьезных вещах говорит эта девочка с деревенским цветом лица!». Я что-то дерзкое ему ответила. В общем, пикировочка вышла. Оба пошли меня провожать. Он сказал: «Мне тридцать два года, я еще никогда не был женат, но моя жена должна быть похожа на вас». Я, естественно, отве-

еще были рокеры... Вообще мероприятия в вузе тогда не были в особой чести. Считалось, что в вузе студенты должны учиться, а отдыхают пусть на стороне. Я стала по совместительству директором клуба. Сейчас у нас по-прежнему есть хор, класс сольного пения, команда КВН, «Что? Где? Когда?», туристская секция, клуб авторской песни и клуб «Мы — петербуржцы». Друзья на меня обижаются, называют клуб черной дырой, отнимающей мое время. В прошлом году я вообще не была в отпуске, хотя, как доцент, должна отдыхать два месяца.

— Бредовые идеи студентов вы принимаете?

— Обязательно. Из них может получиться что-то очень интересное. Мы принимаем и обсуждаем все. Если человек одержим, обладает пассионарностью, его идея должна быть воплощена в жизнь. Например, межфакультетский КВН организовали по инициативе студентов. В ЛЭТИ он очень популярен. В прошлом году мы заняли второе место в городе. И вообще мне кажется, что на Аптекарском острове есть свой «genius loci» — «дух местности». Наверное, поэтому в 53-м году родилась «Весна в ЛЭТИ». Хотя время было тяжелое. Еще не умер Сталин. А спектакль уже родился — в умах, сердцах. В этом году мы тоже решили, что Дни ЭТУ «ЛЭТИ» будут называться «Весна в ЛЭТИ». Возрождаются былые традиции, создаются новые.

— Вам интересно общаться со студентами?

— Я их уважаю, всем ребятам говорю «вы». Сначала они удивлялись, а потом привыкли. И вообще нашей национальной идеей могло бы стать

воспитание чувства собственного достоинства.

— Ваша дочь живет во Франции. Вы часто бываете у нее?

— Да, мы с дочерью очень дружны. Она живет в Страсбурге. У меня есть маленькая внучка Ольга Светлана Кристиан. Два последних имени — в честь двух бабушек. Я все время мечтала увидеть Париж. И получилось так, что я сломала ногу — был жуткий гололед. Я страшно рассердилась на то, что меня на год выбили из строя, и я выиграла процесс у жилищно-коммунальных служб из-за того, что они не убирают лед. И получила какие-то деньги. Я была одна из первых, кто обратился в суд за возмещением морального ущерба. И эти деньги решила потратить на то, чтобы поехать в Париж.

— У каждого есть в жизни свой Париж. Париж-мечта, Париж-воспоминание. А у вас?

— Это самый прекрасный город после Петербурга. А Петербург — единственная любовь, которой я даже мысленно ни разу в жизни не изменила.

— Что любите читать?

— Студенты открыли для меня журнал «Факел». Это «журнал для тех, кому больше всех надо». Недавно читала воспоминания жены физика Ландау, «Алхимика» Паоло Коэльо. Валерия Попова читаю. Его «Ужас победы» — мое любимое.

— Вы любите в себе женщину? У вас есть роман с самой собой?

— Мне не грустно оставаться наедине с собой. Толстой говорил, что числитель — это то, что человек собой представляет, а знаменатель — это то, что он о себе воображает. И если знаменатель бесконечен, дробь равна нулю. Я не на «вы» сама с собой. А вообще женщина не должна быть умной, она должна быть мудрой. Тогда она нормально впишется в жизнь. Мне кажется, так я в нее и впилась. Клуб — сумасшедший дом, и я его директор.

Наталья КУЗНЕЦОВА